

R.A. BIKMETOW,
K.A. SABOLOZKAJA

ARBEITSMOBILISIERTЕ DEUTSCHE IN DEN GRUBEN VON KUSBASS

In den Kriegsjahren stieg die Kohlegewinnung im Kusbass um 37,4 Prozent, die Gewinnung von Koks Kohle um mehr als das Doppelte (um 119,2 Prozent)¹. Dass die Kohlegewinnung bei vorhandener Technik und bei einer sinkenden monatsdurchschnittlichen Arbeitsleistung von 43,1 Tonnen 1940 auf 34 Tonnen 1945 in solch einem hohen Tempo anstieg, lässt sich nur durch ein extensives Arbeitsverfahren erklären und durch die Kapazitätserweiterung der Kohlenbetriebe (von 1941 bis 1945 um 6920 Tausend Tonnen) und die durchschnittliche Anzahl der Arbeiter bei der Gewinnung um 61,4 Prozent (von 44 000 auf 71 000 Arbeiter).² Es war praktisch unmöglich, die Anzahl der Grubenarbeitskräfte im Becken während des Krieges im Angesicht des Mangels an erwerbsfähiger männlicher Bevölkerung auf übliche Weise zu steigern. Nicht zufällig stieg die Zahl der Zwangsarbeiter in den Gruben, die meisten von ihnen waren arbeitsmobilisierte Deutsche.

Die Russlanddeutschen, die laut Beschluss des Staatlichen Verteidigungskomitees in den Ural und nach Sibirien deportiert wurden, waren in verschiedenen Branchen der Volkswirtschaft beschäftigt. Die strenge innere Ordnung regelte das Leben in den Arbeitskolonnen, jeder Versuch, der Mobilisierung oder der Arbeit zu entgehen, wurde unterbunden. Zur Aufgabe des NKWD gehörte es, in der Sondersitzung Fälle zu besprechen, wenn die mobilisierten Deutschen in dem Einberufungsort oder am Treffpunkt nicht erschienen waren, die Disziplin verletzten und sich weigerten zu arbeiten. Wenn sie aus den Arbeitskolonnen flohen, wurde gegen die „besonders Böswilligen“ die Höchststrafe angewendet. Für die mobilisierten Deutschen galten die Normen der Lebensmittel- und Industriewarenversorgung, für Gulag vom NKWD der UdSSR festgelegt³. Die Lage der deportierten Deutschen, die in der Arbeitsarmee mobilisiert wurden, unterschied sich nur wenig von der der Gefangenen.

Der erste Teil der arbeitsmobilisierten Deutschen sollte nicht in die Kohlenindustrie geschickt werden. Aber die Situation in der Branche wurde immer beunruhigender. In seinem Buch „Kriegswirtschaft der UdSSR während des Zweiten Weltkrieges“ schrieb N.A. Wosnesenskij: „1942 lieferte man der Volkswirtschaft der UdSSR doppelt so wenig Brennstoffe aller Art wie 1940. Der Kampf um Brennstoff, um Kohle ge-

¹ Gezählt nach den Angaben: Kohlenindustrie der UdSSR im Laufe von 50 Jahren, Moskau 1968, S. 44, 54.

² Ebenda, S. 648, 752–753; RGAE, F. 8629, Op. 2. D, 61. L. 12.

³ Babitschenko, L.: In die Arbeitskolonnen für die ganze Kriegszeit mobilisieren, in: Neues Leben, 1992, № 8, S. 4.

Р.А. БИКМЕТОВ,
К.А. ЗАБОЛОЦКАЯ

ТРУДМОБИЛИЗОВАННЫЕ НЕМЦЫ НА ШАХТАХ КУЗБАССА

В годы войны общая добыча угля на Кузбассе выросла на 37,4%, коксующихся углей – более чем в 2 раза (на 119,2%)¹. Такие высокие темпы роста угледобычи при существующей технике и снижении среднемесячной производительности труда рабочих по добыче с 43,1 т в 1940 г. до 34 т в 1945 г. могли обеспечиваться только экстенсивными методами – за счет увеличения мощности угольных предприятий (за 1941–1945 гг. на 6920 тыс. т) и среднесписочной численности рабочих по добыче на 61,4% (с 44 до 71 тыс. рабочих)². Обеспечить такой высокий рост численности шахтерских кадров бассейна в годы войны в условиях дефицита трудоспособного мужского населения обычными способами было практически невозможно. Неслучайно в этот период среди шахтеров значительно возросло число тех, кого направили на шахты принудительным путем, среди которых большое число составляли трудмобилизованные немцы.

Российские немцы, депортированные в районы Урала и Сибири в соответствии с решением ГКО, направлялись в различные отрасли народного хозяйства. Строго регламентировался внутренний распорядок жизни в рабочих колоннах, пресекались всякие попытки уклониться от мобилизации или работы. НКВД СССР вменялось в обязанность рассматривать на особом совещании дела в отношении мобилизованных немцев, не явившихся на призывные или сборные пункты, нарушавших дисциплину и отказавшихся работать, а также дезертировавших из рабочих колонн, и применять «по отношению к наиболее злостным» высшую меру наказания. На мобилизованных немцев распространялись нормы продовольственного и промтоварного снабжения, установленные ГУЛАГу НКВД СССР³. Положение депортированных немцев, мобилизованных в трудовую армию, мало чем отличалось от положения заключенных.

Первая очередь трудмобилизованных немцев не предполагалась к отправке в угольную промышленность. Но положение дел в отрасли становилось все критичнее. В книге «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» Н.А. Вознесенский отмечал: «Поставка народному хозяйству СССР всех видов топлива в 1942 г. уменьшилась по сравнению с 1940 г. более чем в 2 раза. Борьба за топливо, за уголь

¹ Рассчитано по данным: Угольная промышленность СССР за 50 лет. М., 1968. С. 44, 54.

² Там же. С. 648, 752–753; РГАЭ. Ф. 8629. Оп. 2. Д. 61. Л. 12.

³ Бабиченко Л. Мобилизовать в рабочие колонны на все время войны // Neues Leben. 1992. № 8. С. 4.

Die meisten mobilisierten Deutschen kamen im Jahr 1943 in die Gruben von Kusbass. Im November 1943 schwankte ihre Zahl in den einzelnen Betrieben des Kohlenbeckens von 600 bis 3 000 Personen.

---

wann an äußerst große Bedeutung“⁴. Seit Oktober 1941 begann die Gewinnung an Tempo und Umfang zu verlieren, das betraf auch die Koks- kohle, die in der Verteidigungsindustrie eine wichtige Rolle spielte. Im Laufe von acht Monaten des Jahres 1943 wurde der Kohlegewinnungs- plan in dem Becken nur zu 70,8 Prozent erfüllt, die Arbeitsleistung sank, es mangelte akut an Arbeitskräften. In dieser Situation wurde beschlos- sen, die Kohlenindustrie von Kusbass durch zusätzliche Arbeitskräfte zu unterstützen. Die Anzahl der Arbeiter in den Gruben sollte zum 1. De- zember 1942 bis auf 67 000 Personen im Vergleich zu 45 000 am 1. Au- gust steigen⁵. Am 7. Oktober 1942 erlässt das Staatliche Verteidigungs- komitee einen Beschluss über die zusätzliche Mobilisierung in die Ar- beitskolonnen.

Der Kohlenindustrie zugewiesene Deutsche wurden unter den Trusts aufgeteilt, wo sie Grubenabteilungen, Kolonnen, Schichten und Brigaden bildeten. An der Spitze jeder Abteilung stand ein NKWD-Mitarbeiter oder ein Offizier der Roten Armee. Laut Instruktion durften die Deutschen kei- nen Kontakt zu den Einheimischen haben. Aber der Kontakt mit den Zi- vilangestellten konnte aus dem Arbeitsprozess nicht ausgeschlossen wer- den. Die mobilisierten Deutschen hatten keine Erfahrung mit der Gru- benarbeit, deswegen wurden an den qualifikationsbedürftigen Positionen zivile Schrämmaschinenführer, Bruchschläger und Zünder angestellt. Die Deutschen wurden zu den Arbeiten, die mit Sprengstoffverwendung ver- bunden waren, nicht zugelassen, dort arbeiteten nur Zivilangestellte. Viel einfacher war es, die Deutschen nach der Arbeitszeit zu isolieren. Sie wur- den in den sogenannten Zonen in den mit Zaun oder Stacheldraht umge- benen Kasernen und Baracken, getrennt von den anderen Kontingenten, untergebracht. Sie durften die Zone nur organisiert in Reihen zur Arbeit und zurück verlassen. Einzelne Personen durften die Zone mit Ausgangs- schein und nach Registrierung in dem Anmeldebuch im Pfortnerhaus verlassen. Die innere Ordnung war streng geregelt – Aufstehen, Appell, Mahlzeit. Der Bereichsleiter bestätigte mit seiner Unterschrift die Zahl der zur Arbeit gebrachten Deutschen. Die gleiche Prozedur erfolgte nach Schichtende. Für Verletzungen der Betriebsdisziplin und der Regel der in- neren Ordnung sah die Instruktion verschiedenen Strafmaßnahmen vor – Rüge, Versetzung auf die schwerste Arbeit oder in die Strafgrube, Arrest oder sogar Übergabe an das Gericht. Normalerweise unterschieden sich

⁴ Wosnesenskij, N.A.: Ausgewählte Werke, Moskau 1979, S. 522.

⁵ Grubenarbeiter von Kusbass, Kemerowo 1971, S. 135; Kusnezker Becken. Stat. Nach- schlagewerk, Moskau 1959, S. 98–99.

приобрела исключительно важное значение»⁴. С октября 1941 г. на Кузбассе стали падать темпы и объемы добычи, в том числе коксую- щегося угля, важнейшего сырья для оборонной промышленности. За восемь месяцев 1942 г. государственный план уледобывчи был вы- полнен в бассейне только на 70,8%, снизилась производительность труда, остро ощущался дефицит рабочих. В этих условиях решено было срочно пополнить угольную промышленность Кузбасса допол- нительными людскими ресурсами, с тем чтобы довести численность рабочих по эксплуатации на шахтах к 1 декабря 1942 г. до 67 тыс. чел., против 45 тыс. на 1 августа⁵. 7 октября 1942 г. ГКО принимает постановление о дополнительной мобилизации в рабочие колонны на время войны.

Немцы, направленные в угольную промышленность, распределя- лись по трестам, где из них формировались шахтовые отряды, участ- ковые колонны, сменные отделения и бригады. Каждый отряд воз- главлял сотрудник НКВД или представитель начсостава Красной армии. Инstrukция не допускала общения немцев с местным населе- нием. Но в трудовом процессе избежать общения с вольнонаемным контингентом было практически невозможно. Мобилизованные немцы не владели навыками шахтерского труда, поэтому на наибо- лее сложных работах допускалось использование квалифицирован- ных вольнонаемных рабочих–машинистов врубмашинов, посадчиков лав, запальщиков. Не допускались немцы на работы, связанные с ис- пользованием взрывных веществ, поэтому здесь применялся труд только вольнонаемных рабочих. Значительно легче было изолиро- вать немцев в нерабочее время. Их размещали отдельно от других контингентов в казармах и бараках, обнесенных забором или колю- чей проволокой в так называемых зонах. Выход из зоны на работу и возвращение с работы разрешались только организованно, в строю. В остальное время индивидуальный выход из зоны осуществлялся через проходную по увольнительной записке с регистрацией в со- ответствующем журнале. Внутренний распорядок жизни мобилизо- ванных был строго регламентирован – подъем, переключки, прием пищи. Приведенные на работу передавались начальнику участка под роспись. Аналогичная процедура происходила после окончания сме- ны. За нарушение производственной дисциплины и правил внутренен-

⁴ Вознесенский Н.А. Избранные произведения. М., 1979. С. 522.

⁵ Горняки Кузбасса. Кемерово, 1971. С. 135; Кузнецкий угольный бассейн. Стат. справочник. М., 1959. С. 98–99.

него распорядка инструкцией предусматривались различные меры наказания – выговор, назначение на тяжелые работы, направление в штрафную шахту, арест и даже предание суду. В обычных услови- ях нормы выработки, продолжительность рабочего дня, оплата тру- да мобилизованных немцев не отличались от этих же показателей вольнонаемных рабочих. В штрафной шахте при повышенных нор- мах выработки продолжительность рабочего дня увеличивалась до 12 часов. В специальной инструкции по содержанию арестованных немцев на гауптвахте, утвержденной начальником оперативного от- дела НКВД по Кемеровской области, арестованные направлялись на наиболее тяжелые работы внутри зоны, рабочий день продолжался по 12 часов с перерывом только на прием пищи, а норма питания со- кращалась на 50%.

Инструкцией предусматривались и меры поощрения за соблюде- ние производственной дисциплины, образцовое поведение в быту и, главным образом, за перевыполнение плановых заданий – благо- дарности, денежные премии, предоставление права проживания на частных квартирах вне зоны. Однако передовики производства, по- лучающие это привилегированное право, не были освобождены от униженной обязанности ежедневно отмечать свое присутствие у администрации зоны⁶.

На практике эта инструкция часто не выполнялась, о чем свиде- тельствуют более поздние приказы Наркомата угольной промыш- ленности о ее соблюдении и дальнейшем ужесточении режима со- держания⁷.

Первые трудмобилизованные немцы появились на шахтах Кузбас- са в конце 1941 г. Первоначально это были, видимо, небольшие пар- тии. 14 декабря 1941 г. их числилось 1998 чел.⁸

Основная масса мобилизованных немцев прибыла на шахты Куз- басса в 1943 г. В ноябре 1943 г. по отдельным трестам бассейна их количество колебалось в пределах от 600 до 3000 человек⁹. Несмотря на острый дефицит шахтерских кадров к пополнению таким контин- гентом угольная промышленность бассейна не была готова. Требова- лось в спешном порядке создать изолированные зоны проживания,

⁶ ГАКО. Ф. 210. Оп. 3. Д. 51. Л. 66, 74, 107.

⁷ ГАКО. Ф. 395. Оп. 1. Д. 12. Л. 149–1509, 210–212.

⁸ ГАКО. Ф. 177. Оп. 8. Д. 30. Л. 136–137; Д. 39. Л. 34; Д. 40. Л. 58; Ф. 415. Оп. 1. Д. 52. Л. 34–36; Ф. 440. Оп. 1. Д. 11. Л. 33–34.; Ф. 210. Оп. 3. Д. 51. Л. 48об.

⁹ ГАКО. Ф. 210. Оп. 3. Д. 51. Л. 32; Д. 57. Л. 1–9.

Leistungsnorm, Arbeitstagsdauer und Arbeitslohn der mobilisierten Deutschen nicht von denen der Zivilangestellten. In der Strafgrube dauerte die Schicht 12 Stunden und die Leistungsnorm wurde erhöht. Laut Sonderinstruktion über die Behandlung der verhafteten Deutschen in der Arrestanstalt, die vom Leiter der Funktionalabteilung des NKWD im Gebiet Kemerowo bestätigt wurde, wurden die Verhafteten auf die schwersten Arbeiten innerhalb der Zone versetzt, ihr Arbeitstag dauerte 12 Stunden mit einer Mahlzeitpause, die Verpflegungsnorm wurde um 50 Prozent reduziert.

Die Instruktion sah auch Stimulierungsmaßnahmen für die Befolgung der Betriebsdisziplin, musterhaftes Verhalten im Alltag, aber hauptsächlich für die Übererfüllung der Planaufgaben vor. Dazu gehörten Dankschreiben, Geldprämien, Genehmigung zum Einquartieren außerhalb der Zone. Aber die besten Arbeiter, denen diese Privilegien erteilt wurden, wurden von der demütigenden Pflicht, sich täglich bei der Zonenverwaltung anzumelden, nicht befreit⁶.

In der Praxis wurde diese Anweisung oft verletzt, davon zeugen die späteren Befehle des Volkskommissariats für Kohlenindustrie bezüglich der Befolgung und weiteren Verschärfung des Regimes⁷.

Die ersten arbeitsmobilisierten Deutschen kamen Ende 1941 in die Gruben von Kusbass. Anscheinend waren es am Anfang nur wenige. Zum 14. Dezember 1941 zählte man 1 998 Personen⁸.

Die meisten mobilisierten Deutschen kamen im Jahr 1943 in die Gruben von Kusbass. Im November 1943 schwankte ihre Zahl in den einzelnen Betrieben des Kohlenbeckens von 600 bis 3 000 Personen.⁹ Trotz des großen Mangels an Grubenarbeitskräften war die Kohlenindustrie des Beckens auf die Personalerfüllung durch dieses Kontingent nicht vorbereitet. Dringend musste man isolierte Wohnzonen schaffen, Wohnhäuser, Kantinen, Waschküchen und Wäschereien errichten, Wäsche und Arbeitskleidung besorgen, gesonderte Arbeitsbereiche schaffen, um Kontakte mit Zivilangestellten und Einheimischen zu minimieren. Es war ziemlich kompliziert, alle diese Probleme in knapper Zeit zu lösen.

In den ersten zwei Monaten der Aufenthaltes waren die Leistungsnormen für mobilisierte Deutsche niedrig angesetzt, jeweils 60 und 80 Prozent, dann ging man zu den allgemeinen Normen über, mit allen daraus

folgenden Konsequenzen. Die Anpassung an die schwere unbekanntes Beschäftigung in den neuen Umständen verlief schmerzhaft. Auch die Tatsache, dass die meisten Mobilisierten Kolchosarbeiterinnen und Angestellte waren, war bei der Erlernung der bergmännischen Berufe ein Problem. In der Liste der mobilisierten Deutschen der Grube „Sewernaja“ vom 25. November 1943 standen 395 Personen (124 Männer und 271 Frauen), darunter waren 217 Kolchosbauer, 43 Arbeiter, die übrigen waren Angestellte (Ärzte und medizinische Mitarbeiter, Lehrer, Buchhalter, Künstler). Fast 50 Prozent von ihnen hatten 2 bis 4 Klassen Schulbildung; 38 Personen waren Analphabeten; 134 Personen hatten 5–8 Klassen, 7 Personen 9 Klassen Schulbildung, drei Personen hatten Mittelschulbildung, 8 eine Fachschulbildung, eine Person hatte ein abgebrochenes Hochschulstudium und noch eine abgeschlossene Hochschulbildung. In der Grube arbeiteten sie als Schaufler, Zimmerlinge, Aufräumer, Waldarbeiter und als unqualifizierte Arbeiter.¹⁰

Die Leitung der Trusts und Gruben hielt die Deutschen für „besonders geeignet für die unterirdische Grundarbeit in den Gruben und für die schwere überirdische Arbeit“ wegen ihrer besseren Gesundheit im Vergleich zu den meisten Arbeitern, die in den Kriegsjahren mobilisiert wurden. In der Praxis stimmte das nicht ganz.

Die Zonen waren in Eile errichtet und kaum für die kalten sibirischen Winter geeignet; die Enge führte zu häufigen Erkrankungen. Im Trust „Anscherougol“ verfügten die Arbeiter statt über 2,4 m² nach der Norm höchstens über 1 m² im Wohnheim; im Trust „Leninskugol“ waren es 1,3 m². Die Gedrängtheit in engen Räumen und Pedikulose führten zum Ausbruch von Epidemien. An manchen Tagen im November 1943 gingen bis zu 6 Prozent der Arbeiter nicht zur Arbeit wegen Erkältungen und anderer Erkrankungen, abgesehen von Verletzungen¹¹. Noch ein Grund der Erkrankungshäufigkeit war der Mangel an Arbeitskleidung, an Schuhen, Bett- und Unterwäsche. Im Juni 1943 berichtete der Verwaltungsleiter der Sonderabteilungen des Trusts „Prokopjewskugol“ Lasarew in dem Brief an den stellvertretenden Volkskommissar für Kohlenindustrie Abakumow Folgendes: „Das Sonderkontingent schläft seit Dezember auf den bloßen Brettern sehr beengt, die zu Lumpen gewordene Bettwäsche wird von den Mobilisierten durch eigene Sachen ersetzt, das führt zur Massenverlausung. Viele Mobilisierte besitzen keine Schuhe, zur Arbeit in die Grube müssen sie barfußig laufen ...“ Im Trust „Anscherougol“ kam es im No-

vozвести в них жилые постройки, столовые, бани, прачечные, обеспечить бельем и спецодеждой, выделить специальные участки для работы, чтобы свести до минимума контакты с вольнонаемными рабочими и местным населением. Решить все эти вопросы в короткие сроки было весьма затруднительно.

В первые два месяца пребывания для мобилизованных немцев устанавливались заниженные нормы выработки, соответственно 60 и 80%, затем – общепринятые, со всеми вытекающими последствиями. Адаптация в новых условиях, с незнакомой тяжелой работой проходила болезненно. Не очень способствовал быстрому освоению шахтерских профессий и состав мобилизованных, в основном, это были женщины-колхозницы или служащие. В списке мобилизованных немцев, работавших на шахте «Северная», на 25 ноября 1943 г. числились 395 чел., 124 мужчины и 271 женщина, из них колхозников было 217, рабочих – 43, остальные – служащие, медицинские работники, в том числе врачи, педагоги, бухгалтера и счетоводы, музыканты. Почти 50% имели образование 2–4 класса; 38 чел. были вовсе неграмотны; 134 чел. закончили 5–8 классов, 9 классов – 7 чел., трое имели среднее образование, 8 чел. – среднее специальное, незаконченное высшее – 1 чел., высшее – 1 чел.. На шахте они работали отгребщиками, крепильщиками, породоуборщиками, лесодоставщиками, чернорабочими¹⁰.

Администрация трестов и шахт считала немцев «наиболее пригодными для основных подземных работ в шахтах и тяжелого физического труда на поверхности» как наиболее здоровых по сравнению с большинством рабочих, мобилизованных для угольной промышленности в военное время. На практике это было не совсем так. Подготовленные в спешном порядке зоны имели мало приспособленные помещения для проживания в условиях суровой сибирской зимы; большая скученность была причиной многих заболеваний. В тресте «Анжероуголь» при норме 2,4 кв. м на одного человека в общежитии зоны приходилось менее 1 кв. м; в тресте «Ленинскуголь» – 1,3 кв. м. Теснота, скученность, педикулез приводили к эпидемическим вспышкам. В отдельные дни ноября 1943 г. из-за простудных и прочих заболеваний, не считая травматизма, на работу не выходило до 6% наличного состава¹¹. Еще одной причиной высокой заболеваемости был дефицит спецодежды, обуви, постельного и на-

---

Основная масса мобилизованных немцев прибыла на шахты Кузбасса в 1943 г. В ноябре 1943 г. по отдельным трестам бассейна их количество колебалось в пределах от 600 до 3000 человек.

---

⁶ GAKO, F. 210, Op. 3, D. 51, L. 66, 74, 107.

⁷ GAKO, F. 395, Op. 1, D. 12, L. 149–1509, 210–212.

⁸ GAKO, F. 177, Op. 8, D. 30, L. 136–137; D. 39, L. 34; D. 40, L. 58; F. 415, Op. 1, D. 52, L. 34–36; F. 440, Op. 1, D. 11, L. 33–34.; F. 210, Op. 3, D. 51, L. 48 (Rückseite).

⁹ GAKO, F. 210, Op. 3, D. 51, L. 32; D. 57, L. 1–9.

¹⁰ GAKO, F. 210, Op. 3, D. 57, L. 1–6.

¹¹ GAKO, F. 432, Op. 1, D. 15, L. 14; F. 210, Op. 3, D. 51, L. 32, 99 (Rückseite).

¹⁰ GAKO, F. 210, Op. 3, D. 57, L. 1–6.

¹¹ GAKO, F. 432, Op. 1, D. 15, L. 14; F. 210, Op. 3, D. 51, L. 32, 99об.

vember 1943 vor, dass die mobilisierten Deutschen in der Kleidung von Kranken zur Arbeit gegangen waren. Die Zonenprüfungsakten von 1943 bis Ende 1944 teilen mit: „Es gibt keine Bettwäsche ..., geschlafen wird auf den bloßen Pritschen“, „geschlafen wird auf den bloßen Pritschen in der schmutzigen Arbeitskleidung“, „Kleidung und Schuhe werden über den Herden mit gekochtem Essen getrocknet“. Zur hohen Erkrankungshäufigkeit trug auch der Mangel an Geschirr bei. In der Kantine der Grube „Sewernaja“ gab es zum Beispiel für 384 Personen nur 8 Tische und 12 Schüssel. Die Leiter der Industriebranche und die lokale Administration benutzten Nahrung als Stimulierungsmittel für Normerfüllung: diejenigen, die 100 Prozent der Norm erfüllten, erhielten ihre Mahlzeiten in vollem Umfang, erfüllte man 50 Prozent bis 80 Prozent der Norm, erhielt man nur 25 Prozent der Nahrungsnorm. Wenn die Norm nicht erfüllt wurde, wurden der Brotkarte einige Tagesmarken entnommen. Einen großen Teil der Mobilisierten bildeten Frauen und Jugendliche, für die es besonders schwer war, die für körperlich stärkere Arbeiter bestimmten Normen zu erfüllen. Sogar die Leitung des Kombinats „Kusbassugol“ musste diese Tatsache anerkennen¹².

1944 wurden die Grubenarbeitskräfte von mobilisierten Deutschen ergänzt. Zum 1. April 1944 arbeiteten in den Betrieben des Gebiets Kemerowo 16028 mobilisierte Deutsche, darunter in der Kohlenindustrie 14500 Personen. Sie wurden auf alle Kohlenbezirke des Kusbass verteilt. Die durchschnittliche Anzahl der Arbeiter in den Gruben von Kusbass im Jahr 1944 betrug 62140; der Anteil der mobilisierten Deutschen unter den Arbeitern betrug etwa 24 Prozent.¹³

Im Frühling 1944 stieg der Anteil der Männer unter den mobilisierten Deutschen erheblich. Von 9593 Mobilisierten in den Gruben des Kombinats „Kusbassugol“ waren 7183 Männer, 1901 von ihnen waren unter

¹² ГАКО, Ф. 395, Оп. 1, Д. 12, Л. 167; Ф. 210, Оп. 3, Д. 51, Л. 58; Ф. 210, Оп. 3, Д. 51, Л. 61, 84, 99 (Rückseite); Ф. 443, Оп. 1, Д. 3, Л. 4–5 usw.

¹³ ГАКО, Ф. 210, Оп. 3, Д. 751, Л. 98–98 (Rückseite); РГАЭ, Ф. 8225, Оп. 1, Д. 2606, Л. 19. Prozentzahl von Autoren errechnet.

18 Jahren. Von 5843 Mobilisierten in den Gruben des Kombinats „Kemerowougol“ waren 2980 Männer, 419 von ihnen waren unter 17 Jahren¹⁴.

Mobilisierte Deutsche passten sich allmählich an die neuen Bedingungen an. 1944 desertierten hauptsächlich kinderreiche Mütter aus den Gruben. Da, wo sie vor der Mobilisierung wohnten, blieben ihre Kinder, die auch mobilisiert werden sollten. Außerdem waren es die Jugendlichen, die zu ihren Eltern flohen, wenn sie in andere Regionen und Betriebe mobilisiert wurden. Viele Mobilisierte lernten die technischen Grundlagen der Grubenberufe und begannen die Normen nicht einfach zu erfüllen, sondern überzuerfüllen, und überholten dabei manchmal sogar die Zivilangestellten. In der Auskunft über die Arbeit der Sonderkolonne der Grube „Juschnaja“ des Trusts „Kemerowougol“ werden Vergleichsdaten über die Erfüllung der Leistungsnorm von den mobilisierten Deutschen und den Zivilangestellten unter gleichen Arbeitsbedingungen im Mai 1944 angeführt: Kohlenhauer Walter und Sajzew je 106 Prozent, Schaufler Raihart und Krol je 105 Prozent, Tschupina – 112 Prozent, Waldarbeiter – 121–126 Prozent, Zivilangestellte – 115 Prozent. Unter den mobilisierten Deutschen erschienen Stoß- und Stachanow-Arbeiter. Im Frühling 1944 erfüllten einige Kohlenhauer des Trusts „Anscheroougol“ 134 Prozent der Norm, Ladehauer – 144 Prozent, Waldarbeiter – 108 Prozent. Im Trust „Kemerowougol“ zählte man im März 1944 167 Stoßarbeiter und 60 Stachanow-Arbeiter. Die Stachanow-Arbeiter lebten unter besseren Bedingungen, in einzelnen Zonen schuf man für sie Stachanow-Räume, in den Kantinen gab es Stachanow-Tische. Einige Stoß- und Stachanow-Arbeiter durften, statt in den Zonen zu wohnen, private Wohnungen mieten¹⁵.

Gegen Kriegsende standen die Kombinate vor der Aufgabe, aus den mobilisierten Deutschen qualifizierte Arbeitskräfte zu machen und ihre weitere Arbeit in der Kohlenindustrie zu fördern. Viele der mobilisierten Deutschen schlossen sich später den Arbeitskollektiven der Gruben an und wurden zu gleichberechtigten Mitarbeitern.

¹⁴ ГАКО, Ф. П.-75, Оп. 1, Д. 97, Л. 100, 101, 230.

¹⁵ ГАКО, Ф. П.-75, Оп. 3, Д. 58, Л. 14; Д. 51, Л. 99 (Rückseite), 230.

тельного белья. В июне 1943 г. начальник управления спецотрядами треста «Прокопьевскуголь» Лазарев в письме заместителю наркома угольной промышленности Абакумову сообщил: «Спецконтингент с декабря спит на голых досках скученно, и замена постелей, превратившихся в лохмотья, собственными вещами мобилизованных приводит к массовой завшивленности. Большое количество мобилизованных не имеет обуви – на работу в шахту вынуждены ходить босыми...». В тресте «Анжероуголь» в ноябре 1943 г. имели место случаи выхода на работу мобилизованных немцев в одежде, снятой с больных. Акты обследования зон в 1943 – начале 1944 г. отмечают: «нет постельных принадлежностей..., спят на голых нарах», «спят на голых нарах в грязных рабочих костюмах», «одежда и обувь сушатся над плитами, где готовится пища». Способствовало повышенной заболеваемости и отсутствие необходимого количества посуды. Например, в столовой шахты «Северная» на 384 чел. имелось 8 столов и всего 12 мисок. Питание использовалось руководством отрасли и местной администрацией в качестве стимула выполнения норм выработки: выполнявшие производственные задания на 100% получали питание в полном объеме, от 50 до 80% – 25%. За невыполнение норм из хлебных карточек вырезались талоны за несколько суток. Значительную часть мобилизованных составляли женщины и подростки, для которых выполнять нормы, рассчитанные на физически крепких рабочих, было трудно. Это обстоятельство вынуждено было признать даже руководство комбината «Кузбассуголь»¹².

В 1944 г. пополнение шахт за счет мобилизованных немцев продолжалось. На 1 апреля 1944 г. на предприятиях Кемеровской области трудились 16028 мобилизованных немцев, в том числе в угольной промышленности – 14,5 тысяч человек. Они были распределены по всем угольным районам Кузбасса. Среднесписочная численность рабочих на шахтах Кузбасса в 1944 г. равнялась 62140; удельный вес мобилизованных немцев в составе рабочих составлял около 24%¹³.

¹² ГАКО. Ф. 395. Оп. 1. Д. 12. Л. 167; Ф. 210. Оп. 3. Д. 51. Л. 58; Ф. 210. Оп. 3. Д. 51. Л. 61, 84, 99об; Ф. 443. Оп. 1. Д. 3. Л. 4–5 и др.

¹³ ГАКО. Ф. 210. Оп. 3. Д. 751. Л. 98–98об; РГАЭ. Ф. 8225. Оп. 1. Д. 2606. Л. 19. Проценты подсчитаны авторами.

К весне 1944 г. среди мобилизованных немцев существенно повысилась доля мужчин. На шахтах комбината «Кузбассуголь» из 9593 мобилизованных мужчины составляли 7183 чел., в том числе до 18 лет – 1901 чел. На шахтах комбината «Кемеровоуголь» из 5843 мобилизованных мужчины составляли 2980 чел., в том числе до 17 лет – 419 чел.¹⁴

Мобилизованные немцы постепенно адаптировались к новым условиям. В 1944 г. с угольных шахт дезертировали в основном многодетные матери, у которых остались на месте прежнего жительства дети, подлежащие мобилизации, а также подростки, которые стремились воссоединиться с родителями, мобилизованными в другие местности и отрасли промышленности. Многие мобилизованные, пройдя техникум, освоили шахтерские профессии и стали не только выполнять, но и перевыполнять нормы, опережая в ряде случаев вольнонаемных рабочих. В справке о работе спецколонны на шахте «Южная» треста «Кемеровоуголь» приводятся сравнительные данные о выполнении норм выработки мобилизованными немцами и вольнонаемными при одинаковых условиях работы в мае 1944 г.: забойщики Вальтер и Зайцев по 106%, отгребщики Райхарт и Кроль – 105%, Чупина – 112%, лесодоставщики – 121–126%, вольнонаемные рабочие – 115%. Среди мобилизованных немцев появились ударники и стахановцы. Весной 1944 г. по тресту «Анжероуголь» отдельные забойщики выполняли нормы на 134%, навалотбойщики – на 144%, лесодоставщики – на 108%. В тресте «Кемеровоуголь» в марте 1944 г. насчитывалось 167 ударников и 60 стахановцев. Стахановцам создавались лучшие условия, в отдельных зонах для стахановцев в бараках выделялись стахановские комнаты, в столовых – стахановские столы. Часть ударников и стахановцев стала проживать вне зоны на частных квартирах¹⁵.

К концу войны перед комбинатами была поставлена задача – создать из мобилизованных немцев квалифицированные кадры и способствовать их закреплению в угольной промышленности. Впоследствии многие из трудмобилизованных немцев влились в трудовые коллективы шахт в качестве их равноправных членов.

¹⁴ ГАКО. Ф. П.-75. Оп. 1. Д. 97. Л. 100, 101, 230.

¹⁵ ГАКО. Ф. П.-75. Оп. 3. Д. 58. Л. 14; Д. 51. Л. 99об., 230.